

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПАРАДОКСАЛЬНОГО МОДУСА ПОВЕСТВОВАНИЯ

В статье выявлены и проанализированы синтаксические составляющие французского парадоксального модуса повествования через призму экспликации модусно-модальных показателей всего спектра модусных смыслов на материале драматургического произведения А. Камю «Калигула». Драматургический дискурс абсурда А. Камю рассматривается как одна из форм эмерджентных образований, которая характеризуется повышенной условностью, метатеатральностью, что создает условия для понимания статуса и функционального потенциала дискурсов этого типа в современной французской когнитивной лингвистике. В данной статье описывается и предлагается к использованию когнитивно-дискурсивный метод анализа, метод экспликации модусных смыслов и значений во французском драматургическом дискурсе абсурда. Метод включает основной прием функционально-смыслового и коммуникативно-прагматического характера – парадоксальный модус повествования как когнитивный «механизм» раскрытия ключевых модусных смыслов и значений.

Ключевые слова: синтаксический концепт, парадоксальный метод, когнитивная лингвистика, драматургический дискурс абсурда, модусно-модальные смыслы.

© 2024 A. Ya. Belykh, T. N. Globa

SYNTACTIC CONCEPTS AS LINGUOCOGNITIVE REPRESENTATIVES OF THE FRENCH PARADOXICAL MODE OF NARRATION

The article identifies and analyzes the syntactic components of the French paradoxical mode of narration in terms of explication of modus-modal indicators of the entire spectrum of modus meanings based on the dramatic work of A. Camus «Caligula». The dramatic discourse of the absurd by A. Camus is considered as one of the forms of emergent formations characterized by increased conditionality and metatheatricity, which creates conditions for understanding the status and functional cognitive potential of discourses studied in modern French cognitive linguistics. This article describes and suggests the use of a cognitive-discursive method of analysis, a method explicating modus meanings and meanings in the French dramatic discourse of the absurd. The method includes the main technique of a functional-semantic and communicative-pragmatic nature – the paradoxical mode of narration as a cognitive «mechanism» for revealing key modal meanings and senses.

Key words: syntactic concept, paradoxical method, cognitive linguistics, dramatic discourse of the absurd, modus-modal meanings.

В рамках антропологической парадигмы формируется новое направление – когнитивная лингвистика, которая возникла и развивалась на базе когнитивной науки. Такие русские и зарубежные ученые-лингвисты как В. В. Виноградов, И. В. Крушевский, Е. С. Кубрякова, М. М. Покровский, Ю. С. Степанов, Г. Г. Шпет, Р. Лэнскер, Ж. Фоконье, Д. Лакофф, Г. Томпсон внесли свой вклад в развитие научных исследований

человеческого разума и мышления, т. е. познавательной деятельности человека, и связанных с познанием (фр. *kognition*) структур и явлений во всех аспектах их получения, хранения, переработки и использования. И лингвокогнитология как новый этап изучения сложных отношений языка и мышления позволила увидеть эти результаты активной деятельности человека в языковых формах. Современный этап развития когнитивной лингвистики характеризуется изучением одного из центральных разделов когнитологии – когнитивной семантики как общей теории концептуализации и категоризации. И драматургический дискурс абсурда (далее ДД-абсурда) как понятие социального и психологического феномена мы рассматриваем в нашем исследовании на семантико-прагматическом уровне, который способствует выявлению модусно-модальных форм, смыслов, создающих напряжение и «эффект» повествования в тексте пьесы А. Камю «Калигула», который, следуя формуле Жака Деррида «Все есть дискурс», трактуется нами как дискурс, как предпочтение термина «дискурс» термину «текст». По утверждению А. Камю, французского философа, писателя, драматурга, человеческая свобода и возможность придать жизни смысл лежит в подтверждении абсурдности человеческого существования. Необходимо отметить, что концепция абсурда была разработана в отечественной и зарубежной науке как отношение двух «полюсов»: лингвистический феномен (О. Г. Ревзина, И. И. Ревзин) и как определенный способ существования человека в мире (М. Б. Ямпольский, Д. В. Токарев, Б. Клюев). Понятие «абсурд» (от латинского *absurdus* ‘нелепый’) считается до настоящего времени «самым описательным, не конкретным», также как категории пародии, гротеска. Под влиянием экзистенциальной философии С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, А. Камю, Ж.-П. Сартра, возникает философия абсурда как антологическая характеристика, которая становится знаком «сущности» человеческого существования и отражает существующую упорядоченность / неупорядоченность явлений объективного мира, оказывает влияние на лингвистическую интерпретацию бытия. Экзистенциальная концепция абсурда А. Камю представлена его «Циклом абсурда» (*Le cycle de l'absurdité*), включающим повесть «Посторонний» (*L'étranger*), философское эссе «Миф о Сизифе» (*Le mythe de Sisyphé*) и пьесу («трагедию абсурда», «трагедию разума») «Калигула» (*Caligula*). Чувство абсурда, которое французский писатель обосновал в своей трилогии – это «свобода, бунт и страсть», «это разрыв между человеком и его жизнью», «это ряд жизненных ситуаций, которые порождают чувства абсурда». В «Мифе о Сизифе» писатель ставит проблему абсурда, а в драматургическом произведении «Калигула» А. Камю работает с этой проблемой, смешивая трагическое и ироническое, раскрывая своеобразие человеческого

«бытия» и сознания в свете постмодернистского парадоксального модуса повествования.

Следует отметить, что выявление концептуальных параметров абсурда потребовало рассмотрения смежных феноменов (концептов): парадокса и нонсенса. Мы разделяем точку зрения, что абсурд и нонсенс представляют крайнюю степень отклонения от нормы (это явление не наблюдается в пьесе «Калигула») в отличие от парадокса, находящегося на периферии нормы, в зоне «переходности». Зафиксируем следующее мнение, что парадокс, основанный на внутреннем противоречии, не исключает логической правильности рассуждений. Именно поэтому в нашем исследовании определяем парадоксальный, а не абсурдный, модус повествования как объект исследования. Парадокс повествования в пьесе «Калигула» реализуется через комплекс концептуально значимых смыслов, выявленных в результате анализа речевых актов (высказываний) главного персонажа произведения – Калигулы. Акт коммуникации, построенный императором на конструировании абсурдных (парадоксальных) игровых ситуаций и смене масок (Я – «Учитель», Я – «Режиссер», Я – «Бог»), не предполагает партнера, участника этой игры. В этом интрига игры Калигулы, ее парадоксальный характер. Герой трагедии создает замкнутое пространство, в котором абсурд проявляется на уровне мироощущений Калигулы и подтекста, т. е. эксплицитных и имплицитных модусных смыслов, репрезентируемых в пьесе синтаксическими единицами (концептами), представляющими результат когнитивной деятельности главного героя. При этом модусно-модальные отношения выступают как маркеры когнитивных блоков информации.

Итак, предметным полем модусно-модальных исследований в «трагедии абсурда» А. Камю «Калигула» является парадоксальный модус повествования как измерение «затекстовой реальности», содержащейся в речевых актах (высказываниях) главного персонажа пьесы – Калигулы в последовательности диктумных событий, заявленных автором: «Отчаяние Калигулы» (*Désespoir de Caligula*), «Игра Калигулы» (*Jeu de Caligula*), «Калигула – Божество» (*Divinité de Caligula*) и «Смерть Калигулы» (*Mort de Caligula*). Парадоксальный модус повествования выступает в нашем анализе этих диктумных событий как «радикальное (парадоксальное) размежевание» сложных измерений героем реальности: бытие–для–других (Я–для–других) и бытие–для–себя (Я–для–себя), меняющих акцент преподнесения событий (ситуаций), передача когнитивной информации которых репрезентируется с помощью набора синтаксических концептов (экзистенциональных, экспериментальных, а также концептов внутреннего состояния) по классификации Т. Е. Борисовой, О. Г. Цыганской [Борисова, Цыганская, 2019: 120].

Актуальность темы исследования обусловлена активным развитием в когнитивной лингвистике такой разновидности анализа художественного дискурса, которая направлена на исследование категоризации и концептуализации языковых единиц всех форм отражения сознания. С другой стороны, необходимо отметить, что лексическая и морфологическая системность художественного дискурса и драматургических типов дискурса изучена хорошо, но синтаксические особенности, а именно, модусный потенциал эмоционального французского синтаксиса требует своего системного исследования как особого средства организации, обработки и передачи информации. Рассмотрение вопросов, связанных с исследуемой тематикой, имеет как теоретическую, так и практическую цель. Результаты исследования могут быть использованы для разработки методики оптимизации анализа французского художественного и драматургического дискурсов, а также при подготовке спецкурсов по данной проблеме.

Объектом исследования является когнитивно-коммуникативное пространства ДД-абсурда на примере пьесы А. Камю «Калигула» как самостоятельного объекта, имеющего особую модусно-модальную организацию.

Предметом исследования выступает модусно-модальное разнообразие драматургического речевого пространства, представленное разными типами синтаксических концептов парадоксального модуса повествования.

Материалом исследования является пьеса А. Камю «Калигула» [Camus].

Цель данной работы заключается в выявлении и описании синтаксических концептов, экзистенциальных, а также эмоционально-душевного состояния, репрезентирующих модусно-модальные позиции в реальных речевых актах (высказываниях) главного героя пьесы – Калигулы сквозь призму когнитивного механизма исследования – парадоксального модуса повествования как обратной стороны модусного потенциала речевых актов. В соответствии с целью необходимо решить следующие **задачи**:

– уточнить категориальный статус понятий «модус», «модусные категории», «модальность», уточнить соотношение категорий «модус» и «модальность»;

– определить роль синтаксических концептов в познавательной деятельности человека как центральной единицы когнитивной лингвистики, определить подходы к пониманию структурной схемы, типовой схемы как минимального абстрагированного компонента смысла;

– выявить и проанализировать синтаксические концепты – корпус синтаксических средств, репрезентирующих модусно-модальные смыслы и значения на когнитивном пространстве ДД-абсурда А. Камю; определить и проанализировать потенциал

парадоксального модуса повествования в декодировании истинных намерений автора.

Проблематика исследования языковой категоризации находит свое отражение в языке в виде трех систем категоризации: лексической, грамматической и модусной или интерпретирующей. И третья система – модусная, вызывает наибольший интерес как наименее изученная с когнитивной точки зрения. Категория модуса обязана своим появлением в лингвистике швейцарскому ученому-лингвисту Шарлю Балли, который ввел понятия диктума (лат. *dictum* – ‘сказанное’) и модуса (лат. *modus* ‘образ’, ‘способ’). По мнению Ш. Балли «диктум – это есть «чистое порождение ума», тогда как «психологическая реакция» является актом субъективного реагирования на представленное в диктуме, это «некая логическо-психологическая переменная к ситуации, факту» [Балли, 2003: 16]. Следует отметить, что достижения в области предметно-логического и оценочно-выразительного содержания любого высказывания связаны с именами известных отечественных ученых, таких как Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, В. В. Виноградов, И. Р. Гальперин, В. Г. Гак, А. А. Потебня, Т. В. Шмелева, а также с работами лингвистов романской школы – Ш. Балли, Э. Беневиста, Ф. Брюно, Л. Теньера. Так, по мнению Н. Д. Арутюновой, выделенный Ш. Балли модус порожден «произносимым или внутренним диалогом и выражает отношение адресата к реплике говорящего, придавая сообщаемому определенные субъективные смыслы (эксплицитные, располагающие «большим кругом» языковых средств) и имплицитные «неуловимые смыслы». И эти передаваемые смыслы предложения, согласно теории модульных высказываний Н. Д. Арутюновой, классифицируются по четырем основным аспектам: сенсорному, ментальному, эмотивному и воливному [Арутюнова, 2023: 107]. Т. В. Шмелёва в своей работе «Семантический синтаксис» также отметила, «что модус предложения – один из самых трудноуловимых феноменов, главное в модусе его смыслы, а не формы» [Шмелёва, 1994: 28]. Концептуальная типология модусных категорий В. Г. Гака, Т. В. Шмелёвой выделяет следующие типы модусных категорий и соответственно «смыслов»: актуализационные категории: (соотнесенность сообщаемого в диктуме с реальной действительностью в координатах «лицо» – персонификация; «модальность» – характер сообщения; «время и пространство» – локализация); кваликативные категории (отношение говорящего к событиям – авторизация, эмоциональная оценочность); социальные категории (выражение отношения говорящего к собеседнику).

Данная типологическая классификация решает, на наш взгляд, проблему соотношения понятий «модус» и «модальность». Мы разделяем точку зрения ученых-

лингвистов В. Г. Гака, И. Р. Гальперина, В. В. Виноградова, Ш. Балли, которые считают, что термин «модус» и «модальность» связаны между собой в аспекте эмоционально-психологического восприятия. Но понятие «модус» шире понятия «модальности», так как модус представлен в лингвистике как «авторство», как «душа» предложения, как «результат» ментальной активной деятельности, которую осуществляет субъект речи с диктумом. А модальность как одна из категорий модуса определяет, по утверждению И. Р. Гальперина, смысловую структуру высказывания. Классическим является определение модальности Ш. Балли – это «языковая форма выражения интеллектуальной или эмоциональной оценки, либо некоего волеизъявления, которое высказывается мыслящим субъектом по поводу какого-либо восприятия или представления» [Балли, 2003: 215]. В. В. Виноградов ввел понятие «точка зрения говорящего» как лингвистическую позицию, относительно которой и образуется модальность» [Виноградов, 1975: 268].

Итак, модальность всегда эксплицитна и выражена грамматическими средствами: модальными глаголами, выражающими отношение субъекта к действию; наклонением, выражающим отношение содержания высказывания к действительности в модусе данности или в модусе возможности, формирующие предложение в единстве времени, лица и модальности согласно трем типам (по определению В. Г. Гака): по характеру сообщения, по характеру концепции действительности, по характеру отношения к действительности. Следует уточнить, что понятие синтаксической модальности шире морфологической, первый тип более разнообразен по формам выражения и по степени выражаемых значений. Модальный синтаксис как новый раздел синтаксической науки призван исследовать семантику языка, прежде всего, синтаксических единиц. Во французской грамматике нет единого мнения о содержании категории модальности. Но авторы статьи, основываясь на классификации выражения модальных значений языкового (синтаксического) материала В. Н. Ярцевой, считают, что и характер коммуникативной установки (утверждение – вопрос – побуждение), и градус значений в диапазоне (реальность – гипотетичность – ирреальность), и признак (утверждение – отрицание), и эмоциональные оттенки высказывания относятся к синтаксической модальности [Ярцева, 1981: 56]. Но для нашего исследования важно отметить тот факт, что концепция модусно-модального уровня не ограничивается высказыванием, модус на материале высказывания уже имеет свою, проанализированную нами теорию. На данном этапе необходимо рассмотреть модус на уровне дискурса, который (модус), по определению Т. В. Шмелёвой, является органической семантической частью

дискурса, способом «маскировки истинных намерений говорящих». Он способен выстраивать линии последовательности, определяя отношение автора, который сразу задает модусную рамку, а также формируя «сложные модусные перспективы» внутри заданной рамки самыми разнообразными модусно-модальными смыслами, тем самым работая на идею всего дискурса.

Таким образом, модус, модус и модальность, модус и оценочность – это особый тип сознания, в рамках которого оформляется содержание высказываний в ДД-абсурде А. Камю, метакатегорией которого предстает парадоксальный модус повествования (далее п/модус). Актуализация п/модуса повествования обоснована его «дуализмом», «двойным кодированием», парадоксальным сопоставлением двух миров (объективного и субъективного), различными модусными измерениями реальности / ирреальности, «смыслами», наблюдаемыми изнутри субъективной установки. Поиск этих «смыслов» высказываний и, в конечном итоге, всего повествования представляется по О. Дюкро как создание нового общего для собеседников (Актанта 1 и Актанта 2) когнитивного пространства, «константы» которого влияют на «совокупность ментального и речевого пространства» [Ducrot, 1996: 29]. Но парадоксальность поиска смыслов состоит в том, что нет общего когнитивного пространства, общих ситуаций, идей, оценок для Калигулы и его собеседников. Ноль информации для участников речевого акта, хотя эксплицитно мысль императора выражена правильно (эксплицитная модальность). Эффект воздействия также нулевой, так как модальность проявляется сильным модусным концептом – «Я» (императивная модальность). Для исследования полной картины когнитивной деятельности героев драматургического произведения А. Камю «Калигула» необходимо, на наш взгляд, проанализировать концептуальное синтаксическое пространство, в процессе «развертывания» которого происходит взаимопроникновение модусных смыслов и модусных перспектив в рамках общих когнитивных «фреймов» (ситуаций), и рассмотреть когнитивные механизмы отражения содержания синтаксических концептов (далее с/к). Семантико-когнитивное направление нашего исследования опирается на научные работы таких учёных, как Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Ю. С. Степанов. Само слово «концепт» (от лат. *conceptus* – понятие, представление о чем-либо) представляет собой многоаспектную ментальную единицу, что влечет за собой «множественность» толкований. Так, Ю. С. Степанов определяет концепт «как часть культуры»; Н. Д. Арутюнова характеризует концепт «как философское понятие»; Е. С. Кубрякова отмечает, что процесс концептуализации – это человеческий

опыт в идеальном содержательном представлении [Кубрякова, 2004: 7]. Для нашего исследования важным и определяющим является понимание природы концепта как явления, репрезентируемого в языке не только лексемами и свободными словосочетаниями, но и «структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые позиции – синтаксические концепты» [Орлова, 2009: 14]. Изучение концептов, репрезентируемых синтаксическими средствами (синтаксическими концептами), также нашло отражение в целом ряде работ. Выделим наиболее значимые для нашего исследования. Так, В. Д. Попова, Г. А. Волохина, И. А. Стернин, определяя «синтаксический концепт как осмысленную ситуацию, выраженную в предложении определенной структуры», различают формальную позиционную схему предложения и смысловую сторону высказывания – пропозицию [Попова, Стернин, 2002: 83]. Типовые пропозиции представлены стандартными последовательностями словоформ – структурными схемами простого предложения. Типовая пропозиция составляет содержание структурной схемы простого предложения. Эта пропозиция и есть синтаксический концепт [Волохина, 1999: 59].

В когнитивистике различают три подхода к пониманию структурной схемы: первый определяет, по мнению Н. Ю. Шведовой, структурный минимум предложения как субъектно-предикативную основу; второй, по В. А. Белошапковой, выделяет и минимальную, и расширенную схему предложения, куда могут входить второстепенные члены предложения. Третий подход включает точку зрения Н. Д. Арутюновой и Г. А. Золотовой, которые выделяют номинативную или информативную основу предложения. Необходимо отметить, что структурная схема предложения является языковым знаком, позиционная – знаком речевым, а высказывание, объект нашего исследования, предстает, по мнению В. Г. Гака «сложным речевым знаком, который включает не только синтактику и семантику (означающее и означаемое), но и прагматику как конкретную речевую реализацию пропозиции, на уровне которой высказывание становится элементарной единицей практического уровня языка [Гак, 2023: 563]. Такие высказывания обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая обязательный порядок слов и наличие строго определенных и ограниченных в варьировании грамматических форм и допускают свободное лексическое наполнение. В свою очередь, Е. В. Падучева в своей монографии «О семантике синтаксиса» отмечает, что высказывание может рассматриваться с трех позиций: анализ формы, т. е. структурной схемы, анализ значения, т. е. пропозиции как потенциального концепта предложения; и анализ функций – дискурсивность (высказывание в определенном

контексте) [Падучева, 2009: 45].

В последние годы появляются работы, в которых доказывается перспективность изучения и текстовых дискурсивно-стилистически маркированных концептов [Алферов, 2009: 36], и морфологических концептов [Беседина, 2010: 379], что во многом обогащает исследования в области морфологических и синтаксических концептов.

Таким образом, функциональный, когнитивно-семантический подход, на основе которого происходит интерпретация сути ДД-абсурда А. Камю и уравнивается концептуальный и модусно-модальный потенциал данного типа дискурса, позволяя в рамках теории диктума и модуса Ш. Балли, модусной теории Т. В. Шмелёвой и теории синтаксических концептов Г. А. Волохиной и З. Д. Поповой свести воедино экзистенциальный опыт, мыслительные процессы, связанные с его интерпретацией, и речевые практики, т. е. модусно-модальные особенности акта коммуникации, репрезентируемые синтаксическими концептами (синтаксическими конструкциями в терминологии французского синтаксиса).

ДД-абсурд А Камю позиционируется авторами статьи как феномен с богатым интерпретационным модусно-модальным потенциалом, смыслогенерирующим механизмом которого является парадоксальный (игровой) модус как способ выявления истинных намерений говорящего. В результате осмысления событийного содержания «трагедии абсурда», «трагедии разума» А. Камю «Калигула» и переосмысления виртуального мира главного героя – Калигулы в разных модусно-модальных наполнениях перформативного, апеллятивного, эмоционально-амбивалентного характера выявляются и анализируются синтаксические концепты высказываний (реплик) главного субъекта речепорождения с точки зрения их функций, структуры (схемы) и модусно-модальных смыслов (эксплицитных и имплицитных), которые как сложные модусные перспективы распространятся по эмоциональным, выразительным линиям пьесы А. Камю от первого акта до последнего. Само название трагедии как пресуппозиция задает модусную рамку восприятия всего произведения, актуализирует глобальный замысел автора, разлад человеческого существования с бытием, с помощью механизма кодирования – парадоксального модуса повествования. В нашем исследовании, основанном на методе семантико-когнитивного анализа, этот когнитивный механизм кодирования информации становится парадоксальным модусом декодирования модусно-модальных имплицитных смыслов повествования в пьесе А. Камю «Калигула». Определив когнитивный механизм кодирования и декорирования модусного уровня ДД-абсурда А. Камю, проиллюстрируем

процесс декодирования (интерпретации) с/концептов как «образцов ситуаций», осмысленных главным действующим лицом Калигулой и вербализированных синтаксическими конструкциями, концентрирующими особые смыслы метакатегориального значения: три опорные точки в жизни Калигулы – страх потери смысла (сущности существования); страх свободы; страх смерти. Калигула становится действующим лицом в собственном мире, главным героем своей собственной пьесы со своей кульминацией, своим когнитивным пространством, со своими смыслами и своим финалом. Действия героя вырастают из собственной экзистенции *Je suis* ‘Я есть’ *Je sais* ‘Я знаю’ *Je veux* ‘Я хочу’ *Je peux* ‘Я могу’.

С/к модуса авторизации, права «Я» на существование, выражаемые структурной схемой S + P. *Je suis*, *Je sais* – слабый модусный потенциал с/к превращается в модусные перспективы и моделируется в сильные и сверхсильные позиции с/к *Je veux* и *Je peux* с модальными глаголами *vouloir* – ‘хотеть’ и *pouvoir* – ‘мочь’ и находят свое воплощение в действиях Калигулы, направленных не только на моральное и физическое уничтожение своих подданных, но и самого себя, в чем и состоит парадоксальность сути существования главного героя драматургического произведения А. Камю. Присутствие модального субъекта «Я» усиливает эксплицитный «модальный» эффект этих концептов (абсолютная потенциальная модальность). Экзистенциальная эгоцентричная модальность Калигулы проявляется в желании невозможного – *d' impossible*, абсолютного – *d'absolue*. Смысл его жизни – иметь Луну, а значит обрести Свободу в понимании императора: *J'ai besoin de la lune, ou du bonheur, ou de l'immortalité* ‘Мне нужна луна... счастье... бессмертие...’.

С/к модуса желания невозможного – информативная основа предложения актуализируется структурной схемой простого предложения *avoir besoin de qch au présent de l'indicatif*, которое усиливает модальную конструкцию желания *de volonté*; глагольная конструкция дополняет эксплицитную модальность имплицитным модусным смыслом императивности. Желание Луны проходит красной линией через все четыре акта пьесы. Но парадоксальность ситуаций состоит в том, что Калигула, говоря о своей мечте, красит ногти на ногах, нарушая тем самым коммуникативный эффект, производимый на слушающих. Поиск смыслов сущности существования, свободы мыслится властителем как протест против этого мира, который больше не привлекает императора.

Базисный с/к модуса декларативного утверждения зарождается в голове Калигулы. *Les hommes meurent, et ils ne sont pas contents* ‘Люди умирают, и они несчастны’ – декларативное сложное предложение со структурными схемами двух простых предложений S1 + P1 и S2 + P2 с сильной модусной связью между

предложениями. Парадоксальность высказывания заключается в том, что глагол *mourir* ‘умирать’ и глагольная конструкция *être content* ‘быть довольным’, *ne pas être content* ‘быть недовольным’ не могут существовать в одном речевом акте. Смысл есть у отдельных компонентов, но не у всей модусной конструкции. Оформление информации в высказываниях Калигулы постепенно усиливается экспериментальным типом с/к *Je veux qu'on vive en vérité* ‘Я хочу, чтобы люди жили правдой’.

С/к модуса рассуждения, восприятия действительности представлен синтаксической конструкцией *Je veux + Subjonctif présent*. Абстракция модальности сослагательного наклонения преодолевается персонализированным модусом желания – *Je veux...* ‘Я желаю...’.

Осуществление надежды изменить мир Калигула подтверждает следующим высказыванием *Et j'ai les moyens de les faire vivre dans la vérité* ‘И у меня есть средства заставить их жить по правде’. Здесь мы выделяем **с/к модуса потенциальной возможности выполнить действие** с формой глагола *avoir* в настоящем времени (*Le présent de l'indicatif*), употребление которого определяется указанным модусным смыслом соответствующего с/к. При этом парадоксальность высказывания Калигулы состоит в том, что у него нет аргументов для таких персуазивных утверждений. Поэтому нет речевого общения с подданными, они не понимают своего императора.

С/к модуса смыслопорождений, ориентиров «ценностей» Калигулы вербализированы в волеизъявлениях властелина, представленных схемами языковых конструкций: *Subjonctif présent*, безличной конструкцией *Il leur manque* (абстрактная модальность), ближайшим будущим временем (*Le future proche, Je vais m'occuper*), а также прагматическими установками на действие, усиленными эмоциональным междометием *Ah!* Ценностный ориентир Калигулы быть логичным, последовательным в сочетании с парадоксальным модусом воздействия на слушателей – угрозой (*Vous allez voir*) представляет абсурдность коммуникативной ситуации. Парадоксальность его желаний проявляется в бездействии, для Калигулы – это игра, спектакль, и его подданные должны играть роль зрителей. *Il me faut du monde, des spectateurs, des victimes et des coupables* ‘Мне нужны люди, зрители, жертвы и виновные’.

С/к апеллятивного модуса требования, представленного глагольной конструкцией *Il faut* и перечислением объектов по мере возрастания уровня эмоциональной нагрузки: *du monde, des spectateurs, des victimes et des coupables* демонстрирует бесполезность веры в богов и абсурдность поведения главного героя. Калигула, переодеваясь в богиню любви

Венеры, изрекает: *Aujourd'hui, je suis Vénus. Accordez-vous, mes enfants, vos vœux seront exaucés* ‘Сегодня, я – Венера. Настройтесь, дети мои, ваши желания будут осуществлены’. В данных языковых конструкциях и в речевых актах демонстрируется парадоксальная игра Калигулы, ее комический эффект.

Тонкая грань между воображаемым миром в сознании римского императора и объективной реальностью начинает исчезать и к финалу пьесы-игры Калигулы, и к концу «трагедии абурда» А. Камю. И эта эмоциональная модусно-модальная сфера героя репрезентируется *с/к эмоционально–оценочного душевного состояния*. Как и экзистенциальные и экспериентальные *с/к*, они рассматриваются нами как синтаксические доминанты пародийного модуса повествования ДД-абсурда. Эти синтаксические доминанты особенно ярко раскрываются в синтаксисе импульсивной речи Калигулы, в его монологах (имитациях диалогов). Модусно-модальные смыслы этих *faux–monologues ou faux–dialogues* «растут вглубь и вширь» по пути усиления и разветвления эмоционально-экспрессивной составляющей. Проиллюстрируем выводы, к которым приходит Калигула в своих монологах-диалогах:

La solitude! La solitude?... Mais laquelle?....
La solitude ? ...Seul ? La solitude!
....Ah ! La solitude ! Mais non !
‘Одиночество! Одиночество?...Но какое?....
Одиночество? ...Один? Одиночество!....
Ах! Одиночество! Но, нет!’.

Ядерные восклицательные, вопросительные номинативные предложения следуют одно за другим, дают возможность императору передать свое эмоционально-экспрессивное состояние. Отрицание *Mais non!* только усиливает эмоциональный эффект *парадоксального* модуса высказываний. *Trop de morts, trop de morts, c'est dégarnit... Mais il faut aller à la consommation!* ‘Слишком много смертей, слишком много смертей, это пустота... Но нужно идти до конца!’. Эмоционально-экспрессивный эффект создается повторением наречия *trop de* ‘слишком много’, глаголом *dégarnir* – опустошать, оголять, *au Passé simple* в модальности – все произошло, возврата нет. Модальность необходимости пути до конца выражается конструкцией необходимости *il faut*.

Калигула оказывается в последний раз на сцене своего спектакля перед единственным зрителем – своим отражением в зеркале. Разбивая зеркало, Калигула «разбивает» себя, его подданные казнят своего императора-тирана. Но Калигула, умирая, оставляет завещание: *Je suis encore vivant!* ‘Я всё ещё жив’, актуализированное *с/к парадоксального модуса философской эмфатической оценки действительности*,

представленного восклицательным предложением, состоящим из двух сильных модальностей *Je suis...* и... *encore vivant* (действительное причастие *Participe présent du verbe vivre* – жить, эмоционально усиленное наречием *encore* ‘еще’).

В заключение, следует отметить, что выбранный нами когнитивно-дискурсивный метод экспликации модусно-модальных смыслов и значений проявил себя эффективным приемом исследования такого типа дискурса как ДД-абсурда. И **парадоксальный** модус повествования как «инструмент» дешифровки этих смыслов, как качество всего повествования работает на весь дискурс, выступая «средством манифестации» фигуры автора и образа Калигулы, который становится сюжетно-центричным персонажем, своеобразным концептом, эффект познания которого достигается с помощью его субъективных высказываний, которые создают портретирующее модусно-экзистенциальное, модусно-экспериментальное и модусно-эмоциональное пространство сначала человека-императора, затем императора-человека. Этот модус выступает как метакатегория, обеспечивающая динамику повествования ДД-абсурда и предопределяющая алгоритмы анализа модусного напряжения драматургического дискурсивного пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алферов А. В. Об особенностях интеракционизма во франкофонной лингвистике и лингвопрагматике // Актуальные проблемы романистики. Воронеж: ВГУ, 2009. С. 30-36.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). Москва: Либерком, 2023. 384 С.
3. Балли Ш. Синтаксис эксплицитной модальности. Москва: Эдиториал, 2003. 215 с.
4. Беседина Н. А. Морфология и проблемы языковой категоризации мира // Материалы международного конгресса по когнитивной лингвистике. Тамбов, 2010. С. 337-379.
5. Борисова Т. Е., Цыганская О. Г. Синтаксический концепт: критерии и методы анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 119-123.
6. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. Москва: Наука, 1975. 559 с.
7. Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж: ВГУ, 1999. 192 с.
8. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Москва: КДУ Университетская книга, 2023. 862 с.
9. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной науки // Вопросы когнитивной науки. Москва, 2004. № 1. С. 6-17.
10. Орлова О. В. Когнитивно-синтаксический анализ текстовых концептов в контексте современных лингвоконцептологических исследований // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 326. С. 34-37.

11. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка. Москва: URSS, 2009. 293 с.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2002. 191 с.
13. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций. Красноярск: КГУ, 1994. 47 с.
14. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. Москва: Наука, 1981. 111 с.
15. Ducrot O. La pragmatique et l'étude sémentique de la langue. Paris, 1996. 344 p.

ИСТОЧНИК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Camus A. Caligula. Available at: <https://www.litres.ru/book/albert-camus/caligula-sui-vi-de-le-malentendu-66303101>. (accessed: 05.08.2024).

REFERENCES

1. Alferov, A. V. (2009). Ob osobennostyakh interaktsionizma vo frankofonnoy lingvistike i lingvopragmatike [On the peculiarities of interactionism in Francophone linguistics and linguopragmatics]. In *Aktualnye problemy romanistiki*. Voronezh: VGU, Pp. 30-36. (In Russ.).
2. Arutyunova, N. D. (2023). *Predlozhenie i ego smysl (logiko-semanticheskie problemy)* [Sentence and its meaning (logical and semantic problems)]. Moskva: Liberkom. (In Russ.).
3. Balli, Sh. (2003). *Sintaksis eksplitsitnoy modalnosti* [Syntax of explicit modality]. Moskva: Editorial. (In Russ.).
4. Besedina, N. A. (2010). Morfologiya i problemy yazykovoy kategorizatsii mira [Morphology and problems of linguistic categorization of the world]. In *Materialy mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoi lingvistike*. Tambov. Pp. 337-379. (In Russ.).
5. Borisova, T. E., Tsyganskaya, O. G. (2019). Sintaksicheskiy kontsept: kriterii i metody analiza [Syntactic concept: criteria and methods of analysis]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov. Vol. 12. Iss. 2. Pp. 119-123. (In Russ.).
6. Vinogradov, V. V. (1975). *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected works. Research on Russian grammar]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
7. Volokhina, G. A., Popova, Z. D. (1999). *Sintaksicheskie kontsepty russkogo prostogo predlozheniya* [Syntactic concepts of a simple Russian sentence]. Voronezh: VGU. (In Russ.).
8. Gak, V. G. (2023). *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moskva: KDU Universitetskaya kniga. (In Russ.).
9. Kubryakova, E. S. (2004). Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktualnykh problemakh kognitivnoy nauki [On the attitudes of cognitive science and current problems of cognitive science]. In *Voprosy kognitivnoy nauki*. Moskva. No 1. Pp. 6-17. (In Russ.).
10. Orlova, O. V. (2009). Kognitivno-sintaksicheskiy analiz tekstovykh kontseptov v kontekste sovremennykh lingvokontseptologicheskikh issledovaniy [Cognitive syntactic analysis of textual concepts in terms of modern linguistic conceptological research]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 326. Pp. 34-37. (In Russ.).
11. Paducheva, E. V. (2009). *O semantike sintaksisa: materialy k transformatsionnoy grammatike russkogo yazyka* [On the semantics of syntax: materials for the transformational grammar of the Russian language]. Moskva: URSS. (In Russ.).
12. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2002). *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh: Istoki. (In Russ.).
13. Shmeleva, T. V. (1994). *Semanticheskii sintaksis: tekst lektsii* [Semantic syntax: the text of lectures]. Krasnoyarsk: KGU. (In Russ.).
14. Yartseva, V. N. (1981). *Kontrastivnaya grammatika* [Contrastive grammar]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
15. Ducrot, O. (1996). *La pragmatique et l'étude sémentique de la langue*. Paris.

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Camus, A. *Caligula*. Available at: <https://www.litres.ru/book/albert-camus/caligula-sui-vi-de-le-malentendu-66303101>. (accessed: 05.08.2024).

Белых Алла Яковлевна – старший преподаватель кафедры романской филологии (e-mail: a.belikh@list.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Глоба Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии (e-mail: t.n.globa@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Belykh Alla Y. – Senior Lecturer of Romance Philology Department (e-mail: a.belikh@list.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Globa Tatyana N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Romance Philology Department (e-mail: t.n.globa@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 12 августа 2024 г.